

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

[Начало](#)

[Продолжение 1](#)

[Продолжение 2](#)

[Продолжение 3](#)

[Продолжение 4](#)

Продолжение

Суденышко принадлежало Океанскому рыбокомбинату. Накануне Ж-220, взяв на буксир кунгас, вышел на рыббазу Галкино, размещавшуюся севернее. Капитан катера Григорий Иванов намеревался, загрузившись рыбой, 5 ноября вернуться в Океанский. Причала в Галкине не существовало, а потому на ночь Ж-220 встал на якорь метрах в двухстах от берега.

Погода стояла тихая, безоблачная, но капитан, 20-летний Григорий Иванов, несмотря на молодость, уже знал, как капризен местный климат, и поэтому отвел катер подальше от берега. Такая предусмотрительность спасла Ж-220 и его экипаж от гибели.

Моряки катера вечер провели бурно. Не обошлось без легкой потасовки с местной молодежью. Драка, к большому удовольствию сторон, завершилась распитием «мировой». Моряки, вернувшись на катер, спали безмятежным и крепким сном молодости, который не знает кошмаров и тяжелых пробуждений среди ночи. Но в этот раз пришлось проснуться задолго до рассвета. Подошедшая волна вздыбила океанскую гладь с одиноко застывшим на ней катером. Якорная цепь натянулась, звонко лязгнув, разорвалась и грохочущим ударом по корпусу «жучка» дала знать экипажу, что его спокойный сон завершился.

Трудно сказать, чем руководствовался Григорий Иванов и его команда, когда они взяли курс на поселок Океанский, бросив Галкино. Возможно, моряки, уходя на юг, уже знали, что в поселке, где проживали около ста жителей, человеческих жертв нет. Во всяком случае решение Иванова идти в Океанский оказалось спасительным для Муратова и тринадцати его земляков, унесенных цунами в море и подобранных экипажем катера.

Со спасенными людьми на борту Ж-220 подошел к тому месту, где некогда находился

Океанский. По территории разрушенного цунами поселка потерянно бродили его жители. Появление на рейде катера многих из них вывело из состояния оцепенения. Далеко не все и не сразу признали в «жучке» свой родной «двести двадцатый». Жители Океанского надеялись, что катер пришел из Северо-Курильска, чтобы оказать помощь поселку. Но даже когда «жучок» опознали, надежда не оставила жителей Океанского. Потерявшие родных и близких островитяне надеялись, что среди спасенных катером окажутся дорогие им люди.

Директор комбината, бывший фронтовой летчик Михаил Александрович Бердников намеревался на «жучке» отправить в Северо-Курильск жителей поселка, получивших наиболее тяжелые травмы. В Океанском, который потерял связь с внешним миром, еще не знали, что районный центр, как и их поселок, перестал существовать.

Катер долго не мог пристать к берегу.

До цунами в Океанском существовал прекрасный пирс, возведенный, как комбинат и большинство других построек поселка, еще японцами. Но волны разрушили причал, превратив его в гряду безобразных бетонных обломков, оцетинившихся стальной арматурой. Они преграждали катеру путь к берегу. Осложняли обстановку и беспорядочные отливы и приливы, сменявшие друг друга хаотичной, не поддающейся прогнозированию чередой...

И все-таки Григорий Иванов, презрев риск, сумел подвести катер к берегу. Спасенные жители Океанского покинули «жучок». К этому моменту они отогрелись, высушили в машинном отделении одежду. Но многих из них возвращение на берег не радовало. Горе в Океанском почти никого не обошло стороной. Вот и Муратов не нашел на берегу среди спасшихся жену и сына...

На катер быстро перегрузили тяжелораненых, большинство из которых находились в критическом состоянии. «Жучок» отошел от берега, едва не пропоров борт об арматуру обломков пирса. Спасла «двести двадцатый» счастливо подоспевшая приливная волна, которая перенесла катер через бетонный риф. Выбравшись в океан, Иванов взял курс на Северо-Курильск. Шли вдали от берега из опасения, что вновь возникнут гигантские волны.

Следы недавней трагедии встречались и в нескольких милях от острова. Уже через пару часов хода катер натолкнулся на крышу дома, на которой находился парнишка лет девятнадцати в нательной рубаше и кальсонах армейского образца. В первые минуты после спасения молодой человек, едва живой от холода и свалившихся на него лишений, не мог сказать ни слова. Кружка крепкого чая и место возле обогревателя немного привели несчастного в чувство. Не стесняясь слез, он рассказал, что служил на пограничной заставе «Галкино». С началом землетрясения сослуживцы молодого солдата покинули заставу, а он, ища спасения, забрался на крышу. Вместе с ней бойца и смыло в океан.

Жертв удалось избежать не только в поселке Галкино, но и в некоторых других населенных пунктах Парамушира, расположенных на океанской стороне, – в Каменистом, Левашово... Кто-то из жителей острова явно родился под счастливой звездой.

В поселке Левашово рыбаки Пузачков и Зимовин, заметив приближение второй волны, решили, что она зальет весь остров. Они и еще 16 мужчин, женщин и детей решили спастись на кунгасе, но впопыхах забыли весла. Волна легко подняла лодку. Вначале кунгас стремительно полетел в глубь острова, а потом, когда волна начала отступать, также быстро помчался в океан. Только на второй день Пузачков, Зимовин и их спутники, заменив весла досками, оторванными от борта кунгаса, сумели догрести до берега...

Нерадостной оказалась встреча экипажа Ж-220 и его пассажиров с разрушенным Северо-Курильском. В городе не сразу обратили внимание на появление уставшего катера. Но на траверзе районного центра уже стояли несколько пароходов, один из которых, где имелся судовой врач, принял раненых из Океанского.

Трагедия поселка велика, но все-таки не стоит ее абсолютизировать, как делают отдельные авторы. Если брать во внимание процентное отношение жертв к количеству жителей, то Океанский в мартирологе жертв цунами окажется не на первом месте. И помощь поселку, как второму по величине населенному пункту Парамушира, начали оказывать уже 6 ноября. К Океанскому вначале вылетел одиночный бомбардировщик, затем появились транспортные «дугласы» и «илы». Они сбросили уцелевшим жителям продовольствие, теплую одежду, обувь, палатки и многое другое.

Если чем и выделялся Океанский в эти дни, то разгулом мародерства, и в связи с этим поселок неоднократно упоминался в оперативных сводках, поступавших с Парамушира в Южно-Сахалинск и Москву. Именно это обстоятельство, скорее всего, и заставило позже некоторых авторов прийти к выводу об особо трагической участи Океанского.

Масштабное мародерство в поселке объяснялось тем, что там не было сотрудников милиции. Власть олицетворял директор рыбокомбината Михаил Бердников, который, как ни старался, не смог сплотить вокруг себя надежных деятельных активистов, способных в короткое время организовать спасательные работы и восстановить порядок. Занятые своими проблемами, не смогли прийти на помощь местному населению и пограничники, военный городок которых цунами также разрушило до фундаментов. К тому же заставу и комендатуру из Океанского вывезли 6 ноября.

Как это ни печально, но приходится признать, что желающих поживиться на чужом горе оказалось немало и в других населенных пунктах островов, по которым прокатились гигантские волны. Но Океанский, если сравнивать по соотношению численности населения и случаев мародерства, равных себе не знал.

Мародеры

Все началось 6 ноября, после того как самолет «Ил-12» сбросил жителям Океанского теплые вещи и продукты. Группа крепких мужчин, уголовное прошлое которых ни для кого в поселке не являлось тайной, решительно заявили права на все свалившееся с неба добро. Они не отказывались делиться только с теми, кто за консервы, ватники и валенки мог заплатить, и хорошо заплатить. Стяжательство бывших уголовников «заразило» и остальных граждан.

Рыбаки рыбокомбината «Океанский», обнаружив на берегу присыпанный песком денежный ящик, который, как потом удалось установить, принадлежал пограничной комендатуре, похитили находившиеся в нем 274 тысячи рублей.

Добравшись до Владивостока, бывшая жительница Океанского Любовь Афанасьевна Истомина рассказала о преступлении, невольным свидетелем которого стала:

«7 ноября 1952 года в 5 часов 30 минут перед погрузкой на пароход «Декабрист» я подошла к окну кассы рыбкоопа и видела, как председатель поселкового совета, член партии, срывала с кассы замок, ей помогал муж.

Когда замок сорвали с кассы и достали деньги, то председатель совета и ее муж начали делить деньги с гражданами, которые присутствовали при взломе замка, — председателем рыбкоопа, заведующей клубом и другими.

Указанные граждане имевшиеся деньги разделили между собой, я сама очевидец, как деньги прятали по карманам и за пазуху. Кроме того, они же в магазине забрали промтовары и радиолы...»

Увы, Л. Истомина упоминает и имя директора рыбокомбината не в числе тех, кто радел за народное добро. Ни подтвердить, ни опровергнуть сведения Любви Афанасьевны не могу, так как дополнительными документами на этот счет не располагаю...

Кассир банка Антонина Александровна Кириллова рассказала, что ее коллега из рыбкоопа накануне трагедии выручку, которая могла достигать 300 тысяч рублей, не сдавала. Дальнейшая судьба денег неизвестна.

Разгул мародерства, как я уже говорил, можно объяснить отсутствием в поселке работников милиции, но даже в тех населенных пунктах Парамушира, где стражи порядка имелись, они из-за малочисленности были не в состоянии навести порядок, а в ряде случаев и сами совершали корыстные преступления.

Начальник Северо-Курильского районного отдела милиции старший лейтенант госбезопасности П.М. Дерябин в рапорте областному руководству признает

несостоятельность некоторых из своих подчиненных: «5 ноября 1952 года ряд работников райотдела милиции занялись сбором и присвоением чужих вещей. Милиционер Бахарев подобрал и присвоил чужой чемодан с носильными вещами и стал их просушивать (платья, рубашки, кальсоны и т.д.). Хозяин опознал свои вещи и со скандалом стал требовать их возврата. Бахарев отдавать их не хотел.

6 ноября были замечены в сборе вещей командир отделения Матвиенко, милиционеры Рыбалко и Фролов. Одновременно я дал приказ Матвиенко собрать весь рядовой состав к месту сбора, т.к. я с 6 ноября находился в комиссии по эвакуации населения, а весь оперативно-начальствующий состав мной был предупрежден лично, чтобы находились на месте сбора. Руководство личным составом было поручено заместителю по политчасти Тарабарову.

Вечером 6 ноября он доложил мне, что большая часть работников райотдела села на пароход «Уэлен».

7 ноября утром на пароход «Уэлен» мной был направлен Тарабаров и оперуполномоченные Загороднев и Сергеев с задачей снять всех с судна, но беглецы не подчинились и пароход не покинули».

Остров Парамушир покинули на «Уэлене» девять милиционеров, среди них командир отделения Клочкин, «имевший в собственности дом, который волна не уничтожила». Но, несмотря ни на что, защитник правопорядка бросил свое имущество и поспешил занять место на отходящем в Корсаков пароходе. Мотивировка поступков Клочкина и его коллег становится ясна, если вспомнить панические слухи, которые будоражили население Северных Курил. Подобно девяти милиционерам поступали и другие жители островов, чьи обязанности требовали от них оставаться на месте. Презрев гражданский и профессиональный долг, они старались как можно быстрее оказаться на пароходах.

Во время эвакуации войск и населения большая нагрузка ложилась на экипажи катеров и малых рыболовных судов, которые переправляли жителей районного центра и поселков на пароходы, стоявшие на рейде у населенных пунктов. Экипажи плавсредств, способных подойти к берегу, объявлялись мобилизованными до окончания эвакуации. Но такой расклад некоторых членов судовых команд не устраивал. Одни просто убегали с катеров и МРСов. Другие вдобавок к дезертирству сознательно портили суда, чтобы избежать возвращения на них. В этом малопочтенном списке значится механик МРС-69

по фамилии Посвященный, работавший на рыбокомбинате «Козыревский».

Сейнер, находившийся в исправном состоянии, моряк бросил. Бесхозное судно быстро затонуло. При странных обстоятельствах сел на мель МРС-26 этого же комбината. Рыбокомбинат «Козыревский» располагался на острове Шумшу. Разрушения и жертвы на нем, по сравнению с Парамуширом, как упоминалось выше, можно считать незначительными. Но население Шумшу также оказалось в состоянии, близком к панике.

О том, что бегство моряков с маломерных судов, привлеченных к эвакуации населения, не было лишь эпизодами, свидетельствуют показания радиста логгера (то же, что дрефтер: морское судно для ловли рыбы во время дрейфа дрефтерными сетями, которые задерживают прикоснувшихся к ним рыб. – **Авт.**) № 636 Павла Ивановича Смолина: «Третий помощник механика Иванов нашел жену и четырех детей, сел на пароход и уехал. Первый помощник механика Петров нашел жену и сына и также уехал на пароход. Остальные члены семей живут на судне. Кроме указанных лиц, самовольно оставивших судно, скрылись боцман, тралмастер, помощник тралмастера... До настоящего времени не вернулся на борт третий помощник капитана. В результате из команды логгера осталось только 15 человек...»

Находилась на судне и семья П. Смолина – фронтовика, награжденного семью боевыми медалями. По счастью, его жена и сын о гигантских волнах, обрушившихся на острова, знали только из рассказов очевидцев. В Северо-Курильск, проведя лето у родственников в Краснодарском крае, они вернулись 6 ноября на борту рефрижератора, который из Владивостока шел на Парамушир за продукцией рыбокомбинатов. Но к тому времени, как пароход прибыл к месту назначения, грузить на него оказалось практически нечего.

Соленую рыбу, консервы и икру, произведенные за месяцы лососевой путины, стихия частично смыла в океан, частично разбросала по берегам островов. Удивительно, но в документах не встречалось упоминаний о конфликтах на почве дефежа рыбной продукции. Последнее обстоятельство свидетельствует скорее всего о том, что структуры, задействованные в ликвидации последствий катастрофы, сумели наладить снабжение районов бедствия продуктами питания. Во всяком случае, прямых или косвенных указаний на то, что после 6 ноября разрушенные или уцелевшие поселки испытывали нужду в провизии нет.

Споры и конфликты разгорались вокруг других товаров. Как часто случается во время чрезвычайных ситуаций, особую ценность приобрели спиртные напитки.

В первые дни после трагедии люди пытались горе от невосполнимых потерь утопить в алкоголе и приглушить ужас перед неопределенным будущим.

Уцелевшее спиртное разворовывалось в первую очередь. Улицы Северо-Курильска 6 и 7 ноября из-за обилия пьяных солдат напоминали Петроград в феврале и октябре 1917 года. Разумеется, что такое сравнение в те времена могло «потянуть» лет на десять без права переписки. Сходство с революционным Петроградом усиливалось желанием некоторых бойцов свести счеты с неугодными командирами и политработниками. До физической расправы с офицерами, как в 1917 году, на Парамушире дело не дошло, но факты избиения и глумления над ними известны. Впрочем, навести порядок в Северо-Курильске и поселках района среди военнослужащих жесткими и экстренными мерами сталинского времени удалось быстро.

Среди гражданского населения некоторые «вольности» продолжались чуть дольше. Вначале военные власти имели право пресекать только откровенные факты мародерства и других нарушений закона. В условиях, когда часть сотрудников райотдела милиции самовольно устранились от исполнения должностных обязанностей, а работники прокуратуры и районного суда оказались в числе первых эвакуированных, партийные органы от военных властей потребовали усилить контроль и за гражданским населением.

Во всех разрушенных стихией поселках, где оставались жители, для предотвращения мародерства, грабежей и задержания посторонних лиц создавались военные комендатуры специального назначения, сотрудники которых несли круглосуточную патрульную службу. Но еще некоторое время по развалинам Северо-Курильска, по кривым улочкам уцелевших населенных пунктов в одиночку в темное время ходить оставалось небезопасным.

Гражданское население старалось находиться поближе к военным, но у тех, как мы знаем, хватало своих проблем в сфере дисциплины и правопорядка. Следует отметить, что в целом офицеры 6-й пулеметно-артиллерийской дивизии действовали достойно в тех невероятно сложных условиях. В этом ничего удивительного нет. Костяк офицерского корпуса соединения составляли фронтовики, которых удар стихии

заставил вспомнить о военном лихолетье. Новые невзгоды они встретили с мужеством бывалых бойцов.

Я далек от того, чтобы идеализировать офицеров пулеметно-артиллерийской дивизии. И от них в первые дни после трагедии пахло дармовыми спиртом и коньяком. И среди них нашлись мародеры и барахольщики. Материалы одного из уголовных дел рассказывают о некоем майоре Ковале, который заставлял солдат собирать в разрушенном Северо-Курильске материальные ценности. Офицер прятал «добычу» на складе, не приходя.

Немало нареканий высказали курильчане и в адрес нового начальника гарнизона генерал-майора Есина. Не исключено, что жар гневных обличений, направленных против него, могли вызвать досада и раздражение тех, кого военные власти на некоторое время оттеснили от безраздельного и бесконтрольного распоряжения имуществом базы Рыболовпотребсоюза, которая, как мы помним, уцелела.

Согласно заявлению работников базы Цуренко и Шульмана, 6 ноября в 17 часов на склад, где шла выдача одежды и обуви нуждающимся, приехали генерал Есин и прокурор дивизии Андреев и распорядились закрыть базу. Свое решение они мотивировали тем, что работа при свечах может привести к пожару. Когда посторонние покинули склад, Есин и Андреев, набрав коньяка и шампанского, уехали.

На следующий день раздача одежды и обуви населению продолжилась. Генерал Есин явился вновь. На этот раз его сопровождали два бойца. Солдаты по распоряжению начальника гарнизона набрали два узла различных товаров и унесли их со склада. В тот же день Есин удалил со склада гражданских специалистов, заменив их интендантами дивизии. Что и кому они выдавали, Цуренко и Шульман не знают, но когда последние вернулись на базу, то наряду с другими товарами не досчитались шести шкур черных-бурых лисиц, которые по тем временам стоили немалых денег. По словам все тех же работников базы, ночью, когда склады Рыболовпотребсоюза охраняли военные, к ним два-три раза подъезжала машина и в нее что-то грузили.

Впоследствии генерал Есин все обвинения в свой адрес отверг. Впрочем, я бы не удивился, узнав, что как минимум половину из якобы присвоенных генералом напитков и товаров «зачислили» в личный имущественный актив сами работники Рыболовпотребсоюза.

Примеров тому хватает.

Вскоре после катастрофы главному бухгалтеру Райпотребсоюза Константину Лагунову и его коллеге с торгбазы Дмитрию Дьяченко поручили выдачу одежды населению на уже хорошо знакомых нам складах. В первый же день «благотворительной» деятельности оба главбуха оделись во все новое, а в придачу к дармовому прикиду обмотались дорогостоящими тканями. Сверху великолепные наряды Лагунова и Дьяченко венчали меховые кожаные пальто. Главбух торгбазы, кроме этого, еще и баян с базы прихватил, игрой на котором он услаждал себя и товарища на долгом пути во Владивосток. Кстати, жилье Дьяченко от цунами не пострадало. Вот сколько счастья свалилось на одного человека: уцелевшая квартира, новая одежда, ткани, кожаное пальто да еще баян в придачу.

[Продолжение следует](#)